

Загадки Эксетерского кодекса: место в сборнике и источники

Эксетерский кодекс («Codex Exoniensis», Эксетер, библиотека собора, MS 3501)¹ — название, традиционно обозначающее одно из главных собраний произведений древнеанглийской литературы. Этот сборник появился в Эксетере не позднее (а, возможно, и раньше) 1072 г. в списке даров, преподнесенных собору незадолго до своей кончины в 1072 г. Леофриком, епископом Эксетерским, который перенес свою епархию из Кредитона в Эксетер, и описывается следующим образом: «i mycel englisc boc be gehwilcum þingum on leodwisan geworht»*. Однако кодекс был написан значительно раньше, где-то в период между 950 и 990 г. (возможно, в 950—970 гг.)².

Рукопись достаточно велика по объему: она состоит из 123 листов размером (310—320) × (218—225) мм и повреждена. Восемь листов (не входящих в упомянутые 123), содержащие перечень даров собору, а также несколько юридических документов и записей были добавлены к рукописи позже. Первый лист рукописи утерян. Отсутствует также около восьми листов в середине. В рукописи нет иллюстраций, за исключением гравюр, созданных сухой иглой³.

Как и другие сведения о рукописи, место ее создания было и остается предметом множества споров. Писец Эксетерского кодекса создал, по крайней мере, еще один манускрипт (London, Lambeth Palace, 149 (fos 1—139))⁴, который был преподнесен в дар неизвестному монастырскому дому (возможно, в Кредитоне) неким Этельвердом в 1018 г. Предполагается, что оба манускрипта были обнаружены в Кредитоне Леофриком и что Этельверд был другом писателя и ученого Эльфрика Эйншемского. Но предположение о Кредитоне как о месте происхождения Эксетерского ко-

---

* «...Одна объемная книга на английском языке на разные темы, написанная в стихах» (перевод автора статьи).

декса неточно и не подкрепляется должным количеством доказательств, а потому по-прежнему ставится под сомнение.

Еще одна версия предложена Патриком Коннером. Согласно этой версии, писец Эксетерского кодекса и кодекса Lambeth также написал треть манускрипта, хранящегося в Оксфорде в Бодлевской библиотеке. Еще одна группа манускриптов (Exeter, Cathedral Library, 3507; Oxford, Bodleian Library, Bodley 718; and Paris, Bibliotheque Nationale de France, lat. 943)⁵ написана одним и тем же писцом, и Коннер указывает на то, что исправления в манускрипте Lambeth 149 делались одним и тем же почерком. Большая часть упомянутых рукописей имеет эксетерское происхождение и на том основании, что шестой книгой в этом списке является Эксетерский кодекс; Коннер утверждает, что он был создан в Эксетере. Несмотря на это предположение, единственное, о чем можно говорить с уверенностью, это то, что кодекс был создан на юге Англии.

В качестве возможных мест создания манускрипта предлагались также Гластонбери и церковь Христа в Кентербери, но ни одно из предположений не было доказано. Точное место происхождения рукописи до сих пор неизвестно⁶.

Структура кодекса также вызывала споры. Высказывались мнения, что книга состоит из трех частей, созданных в разное время, позже переставленных и неверно соединенных заново. Соответственно, тот факт, что произведения расположены в памятнике в первоначальном порядке, подвергается серьезному сомнению. Согласно одной из гипотез, вторая часть (листы 53—97) была написана первой, третья (листы 98—130) — второй, и первая (листы 8—52) — последней. Коннер приводит этому доказательства различного порядка: палеографические, кодикологические и литературные. Он утверждает, что если соединить части рукописи именно таким образом, то ее содержание демонстрирует постепенное сужение тематики от универсальной светской (такой, как в элегиях) к монашеской (такой, как в поэмах «Христос», «Гутлак А», «Гутлак В»). Именно такое построение было характерно для времен бенедиктинской реформы. Тем не менее, гипотеза Коннера опровергается некоторыми учеными (Р. и Ф. Геймсон) на том основании, что палеографические свидетельства, на которые он опи-

рается, находят аналоги в других манускриптах, единство и целостность которых не подвергаются сомнению. Таким образом, современное расположение текстов в кодексе следует считать первоначальным.

Как бы то ни было, исследования Коннера вновь ставят два важнейших вопроса, а именно просто ли писец копировал более раннюю коллекцию текстов (или несколько коллекций) или составлял свою собственную и является ли кодекс механически составленным набором текстов или антологией с четкой, продуманной композицией.

Всего в Эксетерский кодекс входит 126 произведений, 95 из них — загадки. Другими наиболее известными произведениями являются стихотворения «Скиталец», «Морестранник», рифмованное стихотворение («The Riming Poem»), которые представляют собой языческие элегии, оплакивающие былые времена, однако имеющие назидательные вставки. Также в кодекс входит несколько отрывков, общая длина которых составляет более 350 стихов, полностью принадлежащих германской языческой традиции. Упомянем некоторые произведения, относящиеся к этой группе: это «Видсид», «Деор», «Вульф и Эдвакер» (произведение, известное еще как «Quondam First Riddle» («“Прежняя” первая загадка»: из названия явствует, что некоторыми издателями загадок эта элегия ошибочно принималось за первую загадку в кодексе)), «Плач жены», «Послание мужа» и «Руины». С другой стороны, в кодексе содержится несколько произведений, относящихся к христианской традиции, разрабатывающих библейские сюжеты, повествующие о христианских добродетелях и грехах. Наиболее значительными произведениями этой группы являются «Христос» (части А, В, С), «Тшеславие», «Душа и тело», «Смирение», «Сошествие во ад», «Судный день».

Загадки находятся в последней части манускрипта в трех местах: текст загадок начинается с листа 101a и продолжается до 59-й загадки, за которой следуют «Плач жены», семь произведений религиозного содержания и вторая группа загадок, а именно 30-я (иногда обозначаемая как 30b и являющаяся идентичной загадке № 30, причем текст в данном месте незначительно поврежден) и 60-я⁷. Далее текст загадок снова прерывается, на этот раз

«Посланием мужа» и «Руинами», после которых в самом конце рукописи находятся загадки с 61-й по 95-ю. Несколько последних листов манускрипта существенно повреждены, вероятнее всего, огнем, и это не дает возможности судить о том, чем оканчивается сборник⁸. Тем не менее, по порядку расположения загадок в кодексе можно сделать предположение, что писец не имел всех загадок в своем распоряжении, когда переписывал текст, именно поэтому сначала в кодексе встречается группа из 59 загадок. Позже он получил или обнаружил текст 30-й загадки и переписал ее в кодекс, не замечая повторения или вопреки ему, и за ней поместил загадку № 60. И наконец, отделив их двумя элегиями, переписал последние 35 загадок. Очевидно, что писец не сообразовывался с содержанием памятников и не добивался целостности в их представлении в кодексе, но переписывал тексты в кодекс как есть, о чем свидетельствует то, что он разделил загадками два монолога — «Плач жены» и «Послание мужа», которые, помимо принадлежности к одному жанру, были, возможно, частями одного целого, одного произведения. Из содержания текста также ясно, что загадки не были единым сборником, подобным сборникам загадок на латинском языке («Ænigmata»), принадлежащим перу Альдхельма, Татвина или Эвсебия и бытовавшим в Древней Англии. Такая версия существует наряду с предположением, что эти загадки — все-таки произведения различных авторов, соединенные в один сборник по примеру загадок на латинском языке.

Учеными делались попытки объяснить порядок следования загадок в кодексе принадлежностью различным авторам и годам написания, а также выделить принципиальное различие между загадками двух основных групп. Однако сейчас преобладает мнение о том, что нет достаточно убедительных причин и доказательств подобному объяснению расположения загадок в манускрипте. Некоторые загадки почти наверняка были созданы в Нортумбрии в первой половине VIII в., список одной из них на английском диалекте (загадка 36) встречается в Лейденском манускрипте⁹.

Принадлежность всех загадок кодекса перу Кюневульфа, англосаксонского монаха и поэта (VIII—IX вв.), — версия, которая на одном из этапов была единодушно принята, — теперь вообще не рассматривается как возможная. Маловероятно также, что даже

малая часть загадок была написана Кюневульфом. Исследования Ф. Дитриха и А. Эберта указывают на то, что 36-я загадка — перевод загадки Альдхельма «De Lorica»¹⁰, а источником 41-й загадки является загадка «De Creatura» того же автора.

Тем не менее, несмотря на доказанность того, что авторам древнеанглийских загадок были известны латинские загадки, зависимость древнеанглийских загадок от латинских не должна быть преувеличена. Подобная переоценка значимости влияния латинских источников на древнеанглийские имела место у А. Прена («Komposition und Quellen der Ratsel des Exeterbuches», 1883), который утверждал, что у любой отдельно взятой древнеанглийской загадки есть латинский источник (произведения Симфония, Альдхельма, Татвина или Эвсебия)¹¹. Упомянутое сходство в большинстве случаев лишь угадывается, а иногда отсутствует. Существует также сомнение, были ли авторы загадок знакомы с произведениями двух последних из упомянутых четырех авторов¹².

В загадках Эксетерского кодекса представлено три языка: древнеанглийский, на котором написано девяносто загадок; латинский (одна загадка (№ 90)), а также руническое письмо, которое используется в четырех загадках (№ 19, 24, 64, 75), написанных на древнеанглийском.

Формальные и содержательные особенности делают практически невозможным достоверное определение времени создания загадок Эксетерского кодекса. Кроме того, наличие Лейденской загадки (нортумбрийской версии загадки о кольчуге), сохранившейся в манускрипте IX в. (Лейден, университетская библиотека, Codex Vossianus (XVI в.)), приводит к предположению, что некоторые загадки сборника имеют долгую историю в древнеанглийской поэтической традиции¹³. И все же вероятным указанием на дату их возникновения может быть то, что 40-я загадка («Творение») восходит к латинской версии соответствующей 40-й загадки Альдхельма¹⁴, которая, в свою очередь, подобна загадке, найденной в манускрипте (в Бодлеевской библиотеке в Оксфорде). Эта франкская рукопись, датируемая третьей четвертью IX в., появилась в Англии в середине X в. Входящие в кодекс «Ænigmata» и стихотворение «De Laude Virginitatis» («Похвала девственности») загадки Альдхельма содержат глоссы и аннотации явного англосаксонского

происхождения и относятся к середине — концу X в. Интересно, что один из почерков отождествляется с почерком Св. Дунстана, и поэтому можно сделать предположение, что эти произведения изучались и высоко ценились реформаторами церкви. Следовательно, хотя большинство загадок и было написано ранее второй половины X в., соотношение между загадкой № 40 Эксетерского кодекса и уже упомянутой версией загадки Альдхельма указывает на возможную связь появления сборника загадок на народном языке и церковной реформы. Поскольку весь Эксетерский кодекс принадлежит периоду конца X в., объединение загадок в одну коллекцию могло быть адаптацией жанра загадок к народному языку, когда загадывание возрождалось реформаторами с целью использовать его дидактические возможности.

Наличие рунической подписи (которая появляется в кодексе дважды: в поэмах «Христос» (часть В, «Судный день») (797—807) и «Юлиан» (704—708) привело некоторых ученых к заключению, что автором большинства произведений Эксетерского кодекса (включая загадки) мог быть Кюневульф. Руководствуясь этим сообщением, ученые включали «Вульфа и Эадвакера» в число загадок. Брэдли показал, что «Вульф и Эадвакер» не могут рассматриваться как первая загадка, и отнес его к драматическим стихотворениям, поставив его, таким образом, в один ряд с «Деором» и «Плачем жены». Позже этот подход был принят издателями и исследователями.

На том основании, что число загадок в двух группах составляет примерно сто, делалось предположение о структурном единстве сборника. Ф. Таппер, например, настаивал на целостности коллекции загадок Эксетерского кодекса и принадлежности их одному автору¹⁵. Дитрих, напротив, говорил, что два блока загадок не могли считаться одним сборником и, таким образом, были сочинены разными авторами¹⁶. Современное расположение загадок свидетельствует о том, что некогда они были разделены на группы в зависимости от тематики¹⁷. Первая группа загадок (№ 1—40) демонстрирует довольно последовательную организацию. Об их сознательном упорядочении свидетельствуют так называемые «Загадки о буре» (№ 1—3), которые функционируют как космологическое вступление к сборнику. Хотя загадки 4-я («Колокол»)

и 5-я («Щит») нарушают эту последовательность, космологический ряд продолжается 6-й загадкой («Солнце»). За ней следует группа загадок на зоологическую тематику, которые, в свою очередь, четко делятся на загадки о птицах и о животных. Подгруппа загадок о птицах обнаруживает особую внутреннюю организацию и деление на пары в зависимости от отличительных признаков. Так, например, загадки 7-я («Лебедь») и 8-я («Соловей») повествуют о птицах, которые в человеческом сознании связываются с музыкой, с верованием, что перья лебедя рожают музыку и с тем, как поет соловей. Похожим образом загадки 9-я («Кукушка») и 10-я («Казарка») объединены в пару, т. к. эти птицы, по убеждению англосаксов, появляются на свет необычным способом, не так, как остальные. Кукушка вылупляется в пустом гнезде, а казарка рождается в море. Из этой тематической группы далее выбивается 11-я загадка («Вино»). Но последовательность загадок о животных и птицах возобновляется загадками № 12 («Бык»), 14 («Зубр»), 15 («Лиса») и 13 («Десять цыплят»).

Далее следует группа загадок о рукотворных предметах. Здесь находим загадки об оружии, сельскохозяйственных и музыкальных инструментах и др. Примечательно, что исключения из тематического блока загадок о предметах, созданных человеком, образуют значимые в смысловом отношении пары с загадками об инструментах. Например, противопоставление загадок № 21 («Плуг») и 22 («Большая медведица», известная также в английском языке как «Плуг» («Plough»)), возможно, служило целям обучения и дидактической стратегии: описание сельскохозяйственного инструмента могло использоваться для объяснения и обеспечения понимания сложного астрономического явления. Аналогичное объединение в пару загадок 29-й («Солнце и луна») и 30-й («Дерево») обнаруживает известный иконографический мотив креста, по сторонам которого находятся два небесных тела.

За группой загадок об инструментах следует две загадки на космологические темы — 39-я («День») и 40-я («Творение»), которые, очевидно, завершали сборник. Загадка № 40, которая описывает Творение Божье, служит своего рода космологической кодой для сборника, так же, как аналогичная загадка Альдхельма

являлась подходящим заключением для его сборника загадок. Все это говорит о том, что, вероятно, до включения в Эксетерский кодекс первые сорок загадок функционировали как самостоятельный сборник, подобно сорока загадкам Татвина. Эта более ранняя коллекция была позднее расширена, чтобы воспроизвести модель, по которой составляли свои сборники загадок Симфозий и Альдхельм или были соединены в один сборник загадки Татвина и Эвсебия и согласно которой в сборнике было сто загадок.

Тематическое единство обнаруживают расположенные друг за другом эротические загадки (№ 42—46). Их содержание указывает на то, что эти загадки должны были читаться как одна группа и вызывать размышления о двойственности человеческой природы, выраженной загадками № 43 («Душа и тело») и 42 («Петух и курица»). Посредством двусмысленности загадки № 42 и 44 («Ключ») и 45 («Тесто») вводят в сборник тему человеческого тела, а загадка № 46 — мотив инцеста между библейским Лотом и его дочерьми.

Тематическое единство в последующих загадках нарушается, оно неожиданно прерывается 59-й загадкой¹⁸. Из этого можно сделать вывод, что составители сборника приняли решение завершить его на этом этапе, т. к. число загадок достигло шестидесяти, что позволяло закончить сборник круглым числом произведений в соответствии с латинскими стандартами, где число загадок в сборнике несло смысловую нагрузку. Учитывая то, что отгадкой загадки № 59 является потир, она может рассматриваться как подходящее заключение для всего сборника.

Композиционная упорядоченность первой группы загадок (№ 1—59) контрастирует с разнородностью материала во второй группе загадок (№ 61—95). Группа загадок об инструментах прерывается загадками о животных: быке (№ 72), устрице (№ 77) и крабе (№ 78). Возможно, их расположение относительно близко друг к другу свидетельствует о попытке написания еще одного блока загадок на зоологическую тематику. Большей непоследовательности материала способствует появление среди загадок на народном английском языке загадки на латыни (№ 90). Еще одной отличительной особенностью этой части сборника является разный объем загадок. И хотя число стихов в загадках первого блока также разнится (особенно в случае с космологическими загадками (№ 1—3, 40)),

вариативность длины во втором блоке более значительная. Так, например, загадка № 84 содержит 56 стихов, а загадки № 75—76 — всего по одному (в целом объем загадок во всем сборнике существенно варьируется (от одного до 108 стихов в загадке № 40). Кроме того, этот блок загадок отмечен наличием вариаций (загадки № 79—80 демонстрируют две версии первого стиха). Можно в этой связи предположить, что составители сборника решили улучшить и дополнить загадки. Появление третьей загадки о Творении (№ 94) и двух о процессе письма (№ 93, 95) в конце сборника говорит о возможной попытке завершить его в соответствии с установленным предшествующими авторами канонem.

В целом загадки Эксетерского кодекса охватывают самые разные темы: космологические, зоологические, сельскохозяйственные. Загадки и в особенности первая их группа (№ 1—40) довольно точно воспроизводят структурную модель и энциклопедический размах, присущий более ранним сборникам латинских загадок. Но даже если загадки Эксетерского кодекса включают в себя перевод загадок Альдхельма, подражание латинским загадкам в масштабах всего сборника не очень значительно. В нем есть явные признаки того, что у древнеанглийских сочинителей было стремление придать загадкам новаторский характер. Это доказывает выбор загадок о буре в качестве открывающей сборник группы загадок на космологические мотивы, а также описание домашних животных в зоологическом блоке загадок. Все это находилось в согласии с требованиями времени, когда создавался Эксетерский кодекс, поскольку целью совпавшей по времени с созданием кодекса бенедиктинской реформы было не только воспроизведение культурных тенденций предыдущих эпох, но и стремление вдохнуть новую жизнь в народную образовательную культуру.

---

¹ См.: The Exeter Book Riddles / transl. and introd. by K. Crossley-Holland. Penguin, 1993. P. XI.

² См.: Ibid.

³ См.: Gameson R. The Origin of the Exeter Book of Old English Poetry. ASE 25: 135—185, 1996.

⁴ См.: Ibid.

⁵ См.: Ibid.

- ⁶ См.: The Exeter Book Riddles. P. XII.
⁷ См.: Ibid.
⁸ См.: Ibid.
⁹ См.: Gameson R. The Origin of the Exeter Book of Old English Poetry. ASE 25: 135—185, 1996.
¹⁰ См.: Konick M. Exeter Book Riddle 41 as a Continuation of Riddle 40 // Modern Language Notes. 1939. Vol. 54, No. 4 (Apr.). P. 259.
¹¹ Цит. по: Tupper F., jr. Originals and Analogues of the Exeter Book Riddles // Ibid. 1903. Vol. 18, No. 4 (Apr.). P. 98.
¹² См.: Ibid.
¹³ См.: Gameson R. The Origin of the Exeter Book of Old English Poetry.
¹⁴ См.: The Exeter Book Riddles. P. 102.
¹⁵ См.: Ibid. P. XIX.
¹⁶ Цит. по: Ibid.
¹⁷ См.: Ibid.
¹⁸ Salvador M. Exeter Book Riddles // The Literary Encyclopedia. 5 Apr. 2006 / The Literary Dictionary Company ; Universidad de Sevilla. 25 April 2007. URL: <http://www.litencyc.com/php/stopics.php?rec=true&UID=1661>

М. О. Куницыкова

Билингвизм как комплексная языковая проблема в лингвокультурологическом аспекте

По мнению Э. Гуссерля, для людей характерна жизнь в условиях «неограниченной коммуникации»¹, когда единому плану содержания соответствует множество планов выражения. Думается, что и билингвизм, определяемый как «общение людей, представляющих разные культуры и обладающих двумя языковыми кодами», связан с этим явлением². В нашем исследовании рассматриваются особенности двух культур, двух языков, двух мировосприятий на материале романа писателя-билингва Вл. Набокова «Лолита» (на английском и русском языках).

Творчество Владимира Набокова представляет интерес для исследователя-лингвиста с нескольких позиций: во-первых, это беллетрист, получивший признание в стране с давно сложившимися